

“Печать царства Казанского”

В 2005 г. город Казань отпраздновал свое тысячелетие. В 2007 г. исполнилось 430 лет и его гербу. Речь идет о сфрагистическом памятнике 1577 г. — о государственной печати, где впервые официально помещена «печать царства Казанского».

Казанский герб привлекал к себе внимание практически всех авторов, писавших об истории Казани. Известный советский археолог А. В. Арциховский, посвятивший одним из первых большую работу эмблемам вышеупомянутой печати, писал: «Казанскому гербу повезло. Местные краеведы им интересовались в отличие от краеведов других городов, равнодушных к истории своих геральдических эмблем. Этой темой успешно занимались П. Заринский, Н. П. Загоскин, П. М. Дульский...»[1]. А. Арциховский считал, что подобное внимание исследователей к гербу Казани объясняется, во-первых, тем, что «герб этот не менялся вовсе».

Действительно, на протяжении XVI-XX вв. казанская эмблема сохраняла неизменность двух основных компонентов — дракона и короны. Прежде всего, это показательно для официальных знаков — гербов, печатей, знамен. Но и чисто художественные изображения казанской эмблемы отличаются стабильностью.

В словесном выражении эмблема практически также не претерпела изменений. Одно из наиболее ранних ее описаний содержит указ об изготовлении гербового знамени царя Алексея Михайловича[2]. Указ предписывал сделать в Оружейной палате знамя, на котором «написать живописцу Станиславу Лопуцкому разных государств четырнадцать печатей в гербах (гербовых щитах. — *Н. С.*)». По поводу казанской эмблемы записано: «Печать Казанская, на ней в каруне Василиск, крылье золото, конец хвоста золот». Автор рисунка знамени известен. Это смоленский шляхтич С. Лопуцкий, который «расписывал» знамя вместе со своими учениками И. Безминовым и Д. Ермолаевым. С. Лопуцкий подготовил много учеников, являясь ведущим мастером-«знаменщиком» в Оружейной палате, где был неоднократно «жалуем за многую работу», «за доброе мастерство». Косвенным свидетельством иностранного авторства композиции знамени может

EV_1_08.indb 33 13.05.2008 12:20:18

служить поворот всадника на груди орла не в традиционную правую от зрителя сторону, а в левую, как принято в геральдической науке, с которой Лопуцкий в силу своего происхождения был знаком. В описании казанской печати также использовано характерное для польского контекста слово «василиск» вместо привычного отечественного «дракон».

Наиболее поздней точкой отсчета в официальном описании казанского герба можно считать Указ Екатерины II «Об утверждении гербов городов Казанского наместничества» от 18 октября 1781 г., в котором отмечается, что герб Казани «старый», закрепляются его геральдические цвета: «Змий черный под короною золотою, казанскою, крылья красные, поле белое»[3]. Данный казанский герб отныне вносился в верхнюю часть щита «вновь сочиненных гербов» городов Казанского наместничества, которых, не считая Казани, было 12. Среди них, правда, выделялся старый герб Свияжска, не требовавший, как все старые гербы, дополнения в виде гербового знака вышестоящего административного центра.

Вторая причина, которую А. В. Арциховский считал крайне существенной при объяснении историографического внимания к казанскому гербу, — это сохранившиеся татарские предания об основании Казани. Они составляют большой комплекс, объединяющий, как известно, три цикла, среди которых легенды о перенесении города и о змеях представляют наибольший интерес[4]. Считается, что легенда о «местном угодье, и о змииском жилище» — территории возникновения Казани впервые появилась в «Казанском летописце», историко-публицистическом сочинении 1564-1565 гг. Как бы скептически исследователи ни относились к «Казанской истории», видя в ней «мутный источник», изобилующий «разными домыслами и прикрасами», многие «частности», приводимые автором, долгие годы жившим в Казани, можно воспринять как достоверные. Например, описание природы, красот флоры и фауны того места, где возникла Казань: «Место пренарочито и красно велми, и скотопажитно, и пчелисто, и звериcто, и рыбно, и всякого угодья много, яко не мощно обрести другаго такова места во всей Руской нашей земли нигде же таковому подобно месту красотою и крепостию и угодием человечским, не вем же, аще есть будет в чюжих землях»[5]. По-видимому, довольно точно автор определяет топографические параметры расположения древнего города: «...и обрете место на Волге, на самой украине руской, на сей стране Камы реки, концем прилежаху к Болгарской земли, другим же концем к Вятке и к Перме»[6]. Подобное сообщение позволило археологу историку А. Х. Халикову высказать предположение, что Казань была основана на окраине булгарской земли, на северо-западном пограничье (р. Казанка), а само слово «казан» «означало в прошлом начало границы, края, предела»[7], т. е. в домонгольское время Казань могла быть своеобразным пограничным пунктом.

Как бы составляя для читателя единое представление о городе Казани, автор «Казанской истории» вслед за географическим описанием помещает исторический текст, связанный с закладкой города.

Легенда о закладке Казани в своей основе содержит сюжет о борьбе человека с чудовищем — страшным двуглавым змеем: «Змий велик и страшен о дву главу: едину имея змиеву, а другую главу волову. Единою пожираше человеки, и скоты, и звери, а другою главою траву ядяше». Его истребил волхв, который обложил его жилище сеном и тростником, полил все это серой и смолой и поджег. Царь же «возгради на месте том Казань»[8].

А. В. Арциховский продолжает легенду, замечая, что крылатому змею удалось улететь на соседнюю гору Джилан-Тау (Змеиная гора), где впоследствии был основан Илантовский, или Зилантов, монастырь. От этого названия, как пишет А. Арциховский, образовано слово «Зилант» — главный змей легенды и казанского герба.

«Казанская история» явилась для А. В. Арциховского существенным под-

EV_1_08.indb 34 13.05.2008 12:20:18

Печать 1577 г.: а — лицевая сторона с изображением казанской эмблемы; б — оборотная сторона.

спорьем в его концепции об исторических корнях древнерусских областных гербов. Однако подобных исторических обоснований возникновения других эмблем он обнаружить не смог, так же как и произвести абсолютную идентификацию эмблем упоминаемых им шести серий рисунков[9].

Несмотря на методическую значимость и приоритетность тематики, обусловленную историческими коллизиями, новаторская для своего времени работа А. В. Арциховского в свете позднейших геральдических, сфрагистических, археологических исследований вряд ли может соответствовать современным воззрениям на государственную печать Ивана IV и на толкование ее изобразительных сюжетов.

Государственная печать Ивана IV, о которой идет речь, уникальна не только как памятник российской средневековой сфрагистики, но и как источник, отражающий концепцию государственной власти русского царя. Немецкий историк Г. Штёкль, посвятивший завещанию и печати русского государя специальное исследование[10], отмечал, что в плане выяснения взглядов Ивана Грозного на власть и государство печать не уступает по своему значению знаменитой полемической переписке царя с А. М. Курбским.

Наиболее важными моментами для раскрытия этой ее значимости Г. Штёкль считал, как, впрочем, и авторы последующих работ, посвященных печати[11], ее датировку и смысловую интерпретацию.

При исследовании вопроса о времени создания печати отмечалось, что дата изготовления очень важна, ибо

EV_1_08.indb 35 13.05.2008 12:20:18

позволяет связать печать с конкретными историческими событиями, а так же поставить вопрос о литературной основе сюжета композиции, обнаружив близкие по хронологии письменные свидетельства. На них можно опереться в расшифровке эмблем и объяснении иносказательного языка печати.

В результате корректировки титула Ивана IV и анализа западных печатей, в частности «печати полотцкой», на которой в качестве символа города изображены «колюмны» — знак литовских князей, дающий самую раннюю дату создания печати (1563 г.) и самую позднюю (1579 г.) — год захвата Полоцка Стефаном Баторием, вероятным временем ее появления признается 1577 г., ибо в 1578 г. ею уже скреплен договор с Данией[12]. С подобной датировкой согласен и Дж. Линд[13].

Дата создания печати включает российский сфрагистический памятник в круг символики, появившейся в связи с Ливонской войной, которую вел Иван IV за овладение прибалтийскими землями. Успехи, одержанные в 1577-1578 гг., явились побудительным мотивом для создания государственной печати, в эмблемах которой нашли отражение подлинные завоевания и оптимистические ожидания Ивана IV, казавшиеся на фоне замечательных военных побед также вполне реальными. Речь идет о печатях Риги и Ревеля, которые никогда не были завоеваны Иваном Грозным, но их эмблемы, не соответствующие подлинным гербам этих городов, изображены вместе с другими клеймами вокруг двуглавого орла.

Печатью 1577 г., как об этом свидетельствует и более позднее ее использование (в 1583-1584 гг.), скреплялись документы международного характера: договоры, официальные письма иностранным государям, грамоты, подтверждающие полномочия русских послов. Подобной по статусу и по форме печати ранее не было в отечественном делопроизводстве. Г. Штёкль писал, что формальный принцип расположения отдельных изображений вокруг центрального предмета русским был известен, но из совсем другого источника — из икон. Подобного сфрагистического прецедента не существовало. Однако он не сомневался, что создание государственной печати, представляющей собой сочетание общегосударственной эмблемы и территориальных «печатей», не являющихся в своей основной массе реальными печатями и тем более гербами, не выглядит случайностью: композиция в целом символизирует единство земель, объединенных под эгидой московского государя. Как отмечалось выше, в комплекс клейм входили и территории, еще не принадлежавшие Русскому государству. Однако Ивану IV важна была подобная мистификация для того, «чтобы произвести впечатление на получателя», и как элемент его последующей «игры» с рядом государей прибалтийских стран, в частности со Швецией[14].

Сочинение эмблем и композиция печати, типичная для государственных печатей многих европейских стран той эпохи, на которых в гербовых щитах изображались эмблемы земель, имели свой смысл, ибо ставили русскую печать, скреплявшую международные акты, в круг обычных для Западной Европы атрибутов королевской или императорской власти. В свете большого интереса к иерархии европейских государств, который характерен для русского правительства того времени, знакомство с институтами внешнего оформления верховной власти западноевропейских государей и подражание им выглядит вполне правдоподобным.

Если говорить об «образце» для подражания, то Г. Штёкль и другие исследователи приводят в качестве примера печати императора Священной Римской империи, где «от Сигизмунда до Карла V двуглавого орла окружает кольцо из гербов земель»[15]. Упоминаются также и государственные печати Польши и Великого княжества Литовского, где в период правления династии Ягеллонов существовали печати с гербами земель, окружавшими центральную фигуру. Печати польских королей, как считают исследователи, в Москве были хорошо известны.

EV_1_08.indb 36 13.05.2008 12:20:19

Большая печать императора Священной Римской империи 1562 г. Фердинанда I Габсбурга (печать Ивана IV 1577 г. является ее аналогом).

Относительно гербов, окружающих центральную фигуру (сидящий на троне король или гербовой одноглавый орел), польские историки поясняют, что такие символы, как «pars pro toto» — часть целого, определяют размер находящейся во владении суверена территории и одновременно структуру государства и образующих его областей. Отдельные гербы провинций «символизируют не только конкретную область, но и ее самоуправление, судопроизводство, организацию обороны, представительство в сейме, а также различные исторические традиции»[16].

Однако русская печать имела свою специфику: подавляющее большинство эмблем, окружавших центральную фигуру как на лицевой, так и на оборотной стороне, не существовали в качестве изображений на реальных печатях, тем более не являлись гербами городов и областей. Как неоднократно доказывалось в отечественной историографии, в рассматриваемую эпоху в Русском государстве гербов не существовало, что обусловлено особенностями его исторического развития.

Тем не менее трудно согласиться с утверждением Г. Штёкля, что «все без исключения многочисленные звери на эмблемах... не имели отношения к символике Московской власти... Просто в большую государственную печать включали то, что случайно оказывалось под рукой»[17].

Стилевая близость печати 1577 г. к памятникам отечественного изобразительного искусства XVI в. с их символизмом, библейскими образами, с их ярко проявляющейся тенденцией вкладывать в изображение самых простых явлений скрытое значение, с сильным звучанием догматической и морализующей темы, единством сюжетов изобразительного искусства и литературных сюжетов и прочих, дает возможность интерпретировать эмблемы печати как определенные символы. Общий смысл композиции печати и детальный разбор клейм произведен в ряде работ[18]. Необходимо отметить, что в основе подбора и воспроизведения фигур печати лежали отнюдь не геральдические начала. Символы, образное выражение которых имеется на печати в виде представителей животного мира, отдельных предметов оружия, атрибутов царской власти, — это, по-видимому, символы идей, а не символы территорий, которыми впоследствии становятся отдельные эмблемы. Эти символы растолковывались и интерпретировались в литературных памятниках, в образном, «картинном» выражении фигурировали в произведениях изобразительного искусства того времени.

Предлагаемое толкование символики изображений говорит об идейных создателях подобного идеологического памятника. Несомненно, это были люди сведущие, образованные, начитанные, сторонники властной теократической доктрины. К ним принадлежал прежде всего предстоятель Русской

EV_1_08.indb 37 13.05.2008 12:20:19

Православной Церкви митрополит Макарий, один из активных сторонников Ивана IV, прославлявший деяния русского царя. Известно, что митрополит Макарий, инициатор, составитель и редактор «энциклопедических» книжных сводов, являлся также организатором особой «макарьевской» художественной школы. Специалисты отмечают, что круг работ макарьевских мастеров широк и разнохарактерен (иконопись, миниатюра). В миниатюрах преобладает графическое начало и прослеживается знакомство с западноевропейским искусством[19]. Под непосредственным руководством митрополита Макария возникает школа «царских живописцев» — предшественница Оружейной палаты XVII в. Сам он был «иконному писанию навычен», разбирался в живописной символике[20]. Кто-то из художников макарьевского круга был наслышан о геральдических принципах, что нашло отражение в специфике передачи украшенных «гербами» щитов, которые держат некоторые воины на иконе «Церковь воинствующая». Необычная икона написана мастерами макарьевской школы во вторую половину 1550-х гг.[21] Хотя по поводу ее трактовки нет единого мнения, щиты со светскими фигурами (двуглавый орел, змея и др.) предположительно держат представители знатных иностранных родов, которые могли подобные щиты употреблять. Для русского воинства такие щиты не были характерны.

Геральдичность фигур на щитах весьма приблизительна, и количество светских фигур ограничено: «Церковь воинствующая» создана задолго до печати 1577 г. с подобными эмблемами.

Существует мнение, что мастера, призванные Макарием для выполнения «государевых заказов», участвовали в создании миниатюр Лицевого свода (1568-1576). Ко времени его изготовления в царской книгописной мастерской в Александровской слободе митрополита Макария уже не было в живых. Однако не изменились принципы воззрения на царскую власть, связанные с ее возвеличением и необходимостью единения подданных под властью самодержца для победы над врагами — «неверными».

По-видимому, сохранился и штат прекрасных писцов и живописцев в «государевой палате», основы которой заложил митрополит. Тот же самый знакомый с западным геральдическим искусством художник мог отобразить царское представление о власти в символах, знакомых ему, в частности, по наиболее популярной из читаемых книг средневековья — Псалтири. Учитывая личное участие Ивана Грозного во многих мероприятиях по оформлению истории его деяний и даже в выборе сюжетов изобразительного искусства[22], можно утверждать, что и в символике печатей, особенно связанных со скреплением грамот, отправляемых за рубеж, нашел отражение образ мыслей и воззрения самого царя.

Кстати, Псалтирь создавалась в Александровской слободе в то же время, с июня 1576 г. по январь 1577 г.[23], что и описываемая печать, удивившая иностранную дипломатию формой, известной Европе, но не характерной для России.

По-видимому, символика русских печатей, используемых в дипломатической практике, становилась в какой-то мере известной западному миру, чему способствовала и публикация в Европе иностранных трудов о России. Например, в «Записках о Московии» С. Герберштейна описаны русские печати, монеты, знамена. «Книга о флагах» К. Алярда, представляющая собой компилятивный труд, в котором использованы различные эмблемники, гербовники и имеются изображения флагов многих стран, содержит, кроме трех флагов «Его царского величества Московского» конца XVII в. или даже начала XVIII в. («Книга о флагах» переведена на русский язык в начале XVIII в.), «флаг Цесаря от Тартарии»: на золотом (желтом) поле изображен черный дракон, вправо от зрителя, «с василисковым хвостом»[24]. Дракон изображен без короны, рисунок отступает от отечественного типажа подобной эмблемы. Рядом помещен «другой татарский флаг» (такова подпись): на золотом поле черная сова с желтой грудкой.

EV_1_08.indb 38 13.05.2008 12:20:19

Флаг Цесаря от Тартарии с изображением дракона.

«Другой татарский флаг» с изображением черной совы с желтой грудкой.

Можно было бы предположить, что флаг татарского цесаря появился как заимствование из «Титулярника» 1672 г. — рисованной золотописцами Посольского приказа книги, предназначенной в основном для нужд этого приказа. Однако детали того и другого рисунка не совпадают, к тому же «Титулярник» существовал в трех экземплярах, два из которых исполнялись по заказу царских особ, один — для нужд Посольского приказа.

Полного тождества между эмблемами печати 1577 г. и «Титулярника» нет. В «первом русском гербовнике» появились совершено другие, чем на печатях, символы Перми, Ярославля, Рязани и других городов. Именно «Титулярник» 1672 г. практически лег в основу материалов, использованных при составлении российских городских гербов в XVIII в. Изобразительная сторона эмблем печати 1577 г. (не следует забывать, что первоначально был сделан рисунок, по которому вырезалась матрица печати) и «Титулярника» разнится. В оформлении «Титулярника» проявилась тенденция сочетания традиционного русского стиля с западноевропейским, наблюдается «подгонка» помещенных на печати известных старых форм к новомодным потребностям и веяниям. В художественной мастерской Посольского приказа в XVII в. трудились прекрасные русские мастера, однако им нередко приходилось прибегать к западноевропейским справочникам-эмблемникам, чтобы «не отставать» в своем творчестве от привозных художественных изданий эмблематического или орнаментального характера. Миниатюра, представляющая казанский герб, выполнена исключительно изящно. Дракон в царской короне повернут влево от зрителя, что соответствует западноевропейским геральдическим правилам, с которыми все более с правления Алексея Михайловича начинает знакомиться Россия.

Со времени «Титулярника» история герба Казани по основным параметрам развития вписывается в контекст эволюции городской геральдики Российской империи.

Потребность в особых отличительных знаках для знамен полков, размещенных в результате военных реформ Петра I по городам, обусловила создание в 1712 г. в Оружейной палате знаменного гербовника, где были собраны эмблемы городов и областей, которые отныне все считались городскими и наносились на полотнища военных знамен. В качестве образцов использовались рисунки «Титулярника», а так же рисунки, взятые из только что перевe-

EV_1_08.indb 39 13.05.2008 12:20:19

Изображение дракона с надписью «Царь казанский» (по титулу Ивана IV) из «Титулярника» 1672 г.

денной по приказу царя книги «Символы и емблемата». Здесь помещалась и казанская эмблема, заимствованная, судя по всему, из «Титулярника».

По своему художественному исполнению изображения на знаменах не достигли строгой геральдической формы и напоминают простые рисунки: эмблемы изображены без гербовых щитов — основной детали каждого герба, не соблюдено и такое геральдическое правило, как неналожение металла на металл и цвета на цвет. Негеральдичность в воплощении городских гербов, с точки зрения определенных канонов геральдического искусства, выработанных в Европе, применение которых превращало рисунок в герб, свидетельствует, что в начале XVIII в. существовала лишь тенденция к превращению известных территориальных эмблем в городские гербы. Не случайно царь-реформатор в инструкции герольдмейстеру подчеркивал, что в России составление гербов — «дело нового основания».

Одной из первых работ в России приглашенного из Европы специально для составления гербов Ф. Санти становится геральдическое оформление государственного герба и печати. В его бумагах сохранился документ на французском языке и в переводе: «Герб Его императорского величества с колорами или цветами своими». Кроме двуглавого орла со святым Георгием на груди, в нем описаны и прочие титульные эмблемы, которые можно уже назвать гербами, ибо, положив в основу рисунки «Титулярника», Ф. Санти придал им геральдическую форму: стабилизировал положение фигур в щите, по геральдическим правилам использовал определенные цвета и металлы, приведя их в строгое соответствие. Казанский герб у Ф. Санти описан следующим образом: «Поле серебряное с драконом или змием черным, у которого крылья красные, а коронован златой или желтой короною; тот же дракон сидит на зеленом дерне»[25].

Существенную роль в становлении в России городских гербов сыграл царский указ 1724 г., предписывавший «во всех судебных местах сделать печати, а именно: в губерниях и провинциях и в городах, которые имеют гербы, на тех вырезать тех городов гербы, а которым

EV_1_08.indb 40 13.05.2008 12:20:19

нет, то нарисовать приличные вновь в Герольдмейстерской конторе, и с оных отослать те рисунки для рассылки во все судебные места в Юстиц-коллегию»[26]. Предшествующим указом «О форме суда» печать с гербом города вводилась в судебное делопроизводство. В результате этих указов город получил официальный символ, а создание герба города стало делом государственной важности. Осуществить это мероприятие должно было государственное учреждение — Герольдмейстерская контора, Сенат же рассылал в различные ведомства предписания об оказании ей помощи в работе.

Чтобы определить, какой герб имеется у города, Герольдмейстерская контора рассылала в губернские и провинциальные канцелярии анкету с вопросами о хозяйственном развитии подведомственных городов, их внешнем виде и отличительном знаке. Судя по сохранившимся документам, ответов на запрос Герольдмейстерской конторы пришло довольно много. Однако поразительное единообразие наблюдается в ответах на последний вопрос анкеты: ни о каких прежних городских гербах большинство провинциальных канцелярий не знало. Причем отрицательно на этот вопрос ответили многие учреждения тех территорий, чьи эмблемы имелись в «Титулярнике» и изображались к этому времени на знаменах полков, размещенных в городах.

Собственно о городских гербах имеются сведения не более чем в десяти откликах с мест. Это, прежде всего, гербы прибалтийских городов, которые появились во времена шведского владычества, и некоторых украинских городов, которые им пожаловали польские короли. Пришли положительные сведения из Ярославля, Симбирска, Уфы и Казани. Донесение из Казанской губернской канцелярии от 9 января 1725 г. содержало четкий ответ: «А герб в городе имеетца татарских званей, на котором изображен змей, а около змея слова “печать великого государя”»[27].

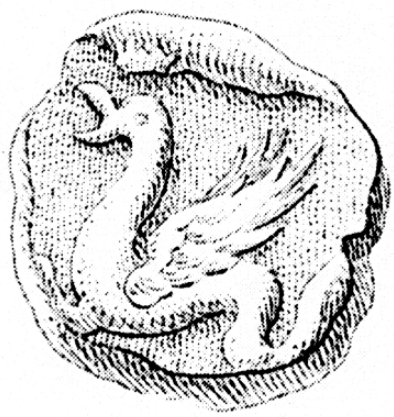
Нет ничего удивительного в том, что казанцы быстро и четко ответили на вопрос центрального учреждения о гербе города. Если им не были знакомы печать 1577 г., «Титулярник» 1672 г., где изображался символ Казани, то с печатями, скреплявшими документы, выходящие из канцелярии воеводского правления, они, без сомнения, сталкивались. Как показали недавние исследования российских архивистов, казанские воеводы использовали «печать царства Казанского» с 1591 по 1707 г.[28] Она прикладывалась к подорожным, проезжим грамотам и к наказам. Только в одном фонде «Грамоты Коллегии экономии», хранящемся в Российском государственном архиве древних актов, выявлено 29 оттисков однотипной казанской печати. Начиная с 1597 по 1650 г. к публично-правовым актам — документам договорно-распорядительного вида прилагалась однотипная черновосковая печать. Она обозначена так: «Государева царева и великого князя Феодора Ивановича (Алексея Михайловича) всеа Руси печать царства Казанского». На подлинниках сохранился черновосковой оттиск печати «с изображением крылатого змея». При одном документе имеется уточнение: «К грамоте приложена средней величины черновосковая печать с изображением Зилантова змея (с поднятою правой лапою)»[29]. Последнее уточнение подсказывает нам, что и на прочих казанских печатях этого времени крылатый дракон в короне изображался идентичным образом — влево от зрителя, с поднятой правой лапой. Во всяком случае, публикация казанских печатей в XIX в. (1596, 1637 и 1693 гг.)[30] демонстрирует подобную композицию и детали эмблемы, хотя заметно, что рисунки, по которым изготовлялись матрицы печати в разное время делала не одна рука.

Стабильность эмблемы «печати царства Казанского» соответствует упорядочению правил ее использования. Ее прикладывали к определенному виду документов исключительно казанские воеводы. Свияжские воеводы к различным документам, в том числе и к ввозным грамотам, прикладывали собственные печати, имеющие совсем другие изображения: скачущий вправо единорог, перекрещенный ружьем, единорог или грифон[31].

EV_1_08.indb 41 13.05.2008 12:20:20

Печать царства Казанского под грамотой воеводы князя И. М. Воротынского 1596 г., данной архимандриту Казанского Преображенского монастыря Арсению с братией.

Печать царства Казанского под оброчной грамотой 1637 г., данной архимандриту Свияжского Богородицкого монастыря Герасиму с братией.

Печать царства Казанского под ввозной грамотой 1693 г., данной игумену Казанского Кизического монастыря Ипатию с братией.

Подьячий Посольского приказа Г. К. Котошихин, бежавший в 1665 г. в Швецию, так описал «состояние Московского государства» в период правления Алексея Михайловича: «А грамот и гербов на дворянства... (царь. — *Н. С.*) никому не дает, потому что гербов никакому человеку изложити не могут... Так же и у старых родов князей и бояр, и у новых истинных своих печатей нет. Да не токмо у князей и бояр, и иных чинов, но и у всякого чину людей Московского государства гербов не бывает. А когда лучитца кому к каким писмам или послом к посолским делам прикладывать печати, и они прикладывают, у кого какая печать прилучилась, а не породная»[32].

Подобное сообщение не только информирует об отсутствии в Российском государстве в 1660-е гг. личных гербов, которые могли бы помещаться на дворянских печатях, что видел Г. К. Котошихин в это время за рубежом, но и о том, что у должностных лиц имелись печати, пусть не родовые, которыми они скрепляли служебные документы. У казанских воевод так же, как и у свияжских, скорее всего они также существовали. Однако казанские воеводы использовали на службе «печать царства Казанского» с однотипным изображением — дракон в короне.

Значимость «печати царства Казанского», как следует из документов, связанных с ее хранением и функционированием, несомненно, выходит за рамки делопроизводственного компонента. Об этом свидетельствуют три документа, опубликованные М. П. Лукичевым и А. Л. Станиславским в 1995 г.[33] Первый документ — Грамота казанскому воеводе князю Ю. П. Ушатову и дьяку Ф. Ф. Лихачеву о порядке хранения и использования печати Казанского царства, посланная царем Михаилом Федоровичем через четыре месяца после избрания его на царство. Он несколько раз использует слово «по-прежнему», желая, видимо, подчеркнуть, что статус печати (а следовательно, и комплекс дел, решаемых с ее помощью) не должен быть подвергнут каким-то переменам, несмотря ни на какие катаклизмы.

EV_1_08.indb 42 13.05.2008 12:20:20

Печать по-прежнему должна храниться в Казанской разрядной избе (иначе — Съезжей палате) в особом ящике, запечатанном личными печатями двух воевод. Соответствующие документы должны быть оформлены от имени только первого воеводы, чьей привилегией являлось пользование печатью Казанского царства.

Появление второго документа было вызвано нарушением принципов хранения и использования Казанской печати. Вопреки правилам, которые запрещали выносить ящик с печатью из Разрядной избы, где первый воевода в присутствии второго воеводы и дьяков скреплял документы печатью, по указанию казанского воеводы В. П. Морозова ящик с печатью приносили к нему домой — «печатати отписки для государевых скорых отпусков». Это считалось, по-видимому, серьезным нарушением, во всяком случае явилось причиной претензий к Морозову другого казанского воеводы В. В. Волынского и обратило на себя внимание царя Михаила Федоровича, его отца Святейшего патриарха Филарета, которые поручили расследовать инцидент специальным людям, подключив к этому даже казанского митрополита Матвея.

Третий документ, датированный 1627 г., представляет собой отписку боярина, казанского воеводы В. П. Морозова, который признается, что старый подьячий и сторож из Разрядной избы приносили ему ящик с печатью «на его двор», но он запечатывал только начисто переписанные документы, предварительно обсудив их в «Съезжей палате при товарище своем и при дьяках». Вслед за прикладыванием печати она немедленно, как писал В. П. Морозов, отправлялась в ящике в Съезжую палату.

Подобные меры предосторожности и охраны Казанской печати были предприняты после того, как она в период Смутного времени сыграла определенную роль в борьбе за власть различных политических группировок. В 1612 г. после смерти и бегства из Казани воевод власть в городе перешла к казанским дьякам, один из которых Н. М. Шульгин не без помощи такого удостоверительного средства, как печать, насаждал свою власть в Казанском крае, раздавая земли, жалованье и прочие льготы своим сторонникам. Фактически он претендовал на роль главы Казанского региона[34]. Поэтому не случайно сразу же после выборов царя и немедленного ареста дьяка прежний порядок функционирования печати, как символа стабильности региона, был восстановлен.

Значение «печати царства Казанского» неоднократно подчеркивалось исследователями и во второй половине XVII в. Она, как символ местной власти, передавалась, в первую очередь, при смене воеводского правления одновременно с ключами от «каменного» и «деревянного» города[35]. Система пользования печатью оставалась незыблемой, однако, помятуя о конфликтах 1627 г., в наказах специально отмечалось, что «всякие дела печатать» можно только в Приказной палате, где вместе с первым воеводой, прикладывавшим печать, обязательным признавалось присутствие второго воеводы и дьяков, «а на дворе у себя никаких дел не печатать».

Столь бросающаяся в глаза регламентация «печати царства Казанского», особая значимость ее в делопроизводстве Казанского региона, неизменность символики вряд ли являлись случайностью. Устойчивость казанской символики в эмблематическом поле Российского государства, кажущаяся на первый взгляд малозначимой, на самом деле является дополнительным показателем особой «заинтересованности и важности». Подобные детали, вплетаясь в контекст взаимоотношений «центра и региона», расширяют рамки этого контекста до проблемы политики русского правительства по отношению к Казанскому краю.

EV_1_08.indb 43 13.05.2008 12:20:20

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Арциховский А. В. Древнерусские областные гербы // Ученые записки МГУ. – 1946. – Вып. 93. История. – Кн. 1. – С. 58-59.
2. Опись московской Оружейной палаты. – М., 1884. – Ч. III. – Кн. 1. – С. 44-49.
3. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). – СПб., 1842. – Собрание 1. – Т. XXI. – № 15260.
4. Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. – М., 2004. – С. 214.
5 . Казанская история. – М., Л., 1954. – С. 47; Кунцевич Г. З. История о Казанском царстве. – СПб., 1905. – С. 236.
6. Казанская история… – С. 47.
7. Халиков А. Х. О времени, месте возникновения и названии города Казани // Из истории культуры и быта татарского народа и его предков. – Казань, 1976. – С. 14-15.
8. Казанская история… – С. 48.
9. Соболева Н. А. Российская городская и областная геральдика XVIII-XIX вв. – М., 1981. – С. 194-203.
10. Stőkl G. Testament und Siegel Ivans IV. – Opladen, 1972.
11. Соболева Н. А. Российская городская и областная… – С. 154-167; Она же. О датировке большой государственной печати Ивана IV // Россия на путях централизации. – М., 1982. – С. 179-186; Она же. Гербы городов России – М., 1998. – С. 99-105; Линд Дж. Большая государственная печать Ивана IV и использованные в ней некоторые геральдические символы времени Ливонской войны // Архив русской истории. – 1994. – Вып. 5. – С. 201-226.
12. Соболева Н. А. О датировке большой… – С. 180.
13. Линд Дж. Указ. соч. – С. 209.
14. Там же. – С. 213.
15. Stőkl G. – Op. cit. – S. 53.
16. Piech Z. Herrscher und Staat in den ikonographischen Quellen im Zeitalter der Jagiellonen // Die Jagiellonen. Kunst und Kultur einer europaischen Dynastie an der Wende zur Neuzeit. – Nürnberg, 2002. – S. 38.
17. Stőkl G. – Op. cit. – S. 58-59.
18. Соболева Н. А. Российская городская и областная… – С. 153-167; Она же. О датировке большой… – С. 179-186; Она же. Гербы городов России. – М., 1998. – С. 99-104.
19. Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. – М., 1965. – С. 135-136.
20. Дробленкова Н. Ф. Макарий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV-XVI вв.– Л., 1989. – Ч. 2. – С. 85.
21. Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи. – М., 1963. – Т. 11. – С. 128-134; Морозов В. В. Геральдика на иконе «Благословенно воинство» // Советская археология. – 1983. – № 2. – С. 247-253.
22. Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических… – С. 140; Она же. Московская школа живописи при Иване IV. – М., 1972. – С. 5.
23. Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI-XVII вв. – М., 1980. – С. 246.
24. Алярд К. Книга о флагах. – СПб., 1911. – Ч. 2. – № 80, 81. – С. 87.
25. РГАДА, ф. 1363, оп. 1, д. 11, л. 3.
26. ПСЗ. – СПб., 1830. – Собрание 1. – Т. VII. – № 4552.
27. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1343, оп. 15, д. 377, л. 26.
28. Лукичев М. П., Станиславский А. Л. Печать Казанского царства начала XVII в. // История и палеография. – М., 1993. – С. 237.
29. Документы по истории Казанского края. – Казань, 1990. – № 45.
30. Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции / Сост. П. Иванов. – М., 1858. – Табл. VIII, № 148; XIII, № 135; XIX, № 301.
31. Документы по истории Казанского... – № 31, 56.
32. Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. – М., 2000. – С. 49.
33. Лукичев М. П., Станиславский А. Л. Указ. соч. – С. 241-245.
34. Там же. – С. 239.
35. Ермолаев И. П. Среднее Поволжье во второй половине XVI-XVII вв. – Казань, 1982. – С. 109-110.

Фото из личного архива автора.

Надежда Соболева,
доктор исторических наук (Москва)

EV_1_08.indb 44 13.05.2008 12:20:20